

ЗАКАВКАЗСКИЙ ПОХОД АЛАН 35 г. н.э.

УДК 94(470.65)

А.А. ТУАЛЛАГОВ

В статье подтверждаются версии участия алан в Закавказском походе 35 г. н. э. на основе древних источников. Подробно излагается последовательность событий.

Ключевые слова: поход, союзник, аланы, сарматы, войны, план.

The article proves the version of participation of Alan in Transcaucasian campaign in 35 BC on the basis of ancient sources. The succession of the events are described in details.

Keywords: campaign, ally, Alans, Sarmat, warriors, scheme.

Одним из наиболее дискуссионных в отечественной науке остается вопрос о закавказском походе 35 г. н. э., о котором у нас сохранилось несколько свидетельств древних источников. Тацит («Анналы». VI,33-35) сообщает о римско-парфянском конфликте из-за Армении, когда иберы и албаны, за которыми стояли римляне, привлекли на свою сторону сарматов, пропустив их через Дарьяльский проход. Другие сарматы, шедшие на помощь парфянам, не смогли использовать кавказские горные проходы, перекрытые противником, а Дербентский проход оказался недоступен из-за летнего разлива Каспия. Союзное войско после многих столкновений нанесло парфянам поражение в решающем сражении, в котором сарматы действовали конницей, вооруженной длинными копьями и мечами. По Иосифу Флавия («Иудейские древности». XVIII,4,96-100), Иберия и Албания, склоняемые Римом для войны с Парфией, сами отказались воевать, но пропустили через Дарьял скифов, отвовавших для них Армению. Во время набега Парфия понесла большие материальные и людские потери, а в одном из сражений погиб сын парфянского царя. Дион Кассий (LVIII, 26,3-4) сообщает о письменном приказе римского императора иберийскому царю вторгнуться в Армению, чтобы вынудить парфянского правителя покинуть свои земли для оказания помощи сыну, что и было исполнено. Валерий Флакк («Аргонавтики 8 книг». VI,120) передает сведения о походе (2.149) в своеобразной поэтической форме: «Разноцветная Иберия излила вооруженные копьями отряды, которые ведут Отак, Латрис, похититель любви Невр и не знающие убеленного сединами возраста язиги». К ним предположительно относят и следующую фразу: «...явившийся слишком поздно Ибер и эседонские фаланги, не участвуя в сражении...» (6.50).

Обычно исследователи полагают, что варварские союзники сторон были сарматами, беря за основу сообщение Тацита. При более конкретной идентификации указывается на сираков и объединения аорсов, которых соответственно меняют местами. Другие считают, что рейд совершили аланы, поскольку именно их называют древние рукописи Иосифа Флавия, а имя скифов является поздней интерполяцией. Подтверждение этому видят в упоминании Валерием Флакком языгов, чье имя является латинским эквивалентом имени ясов, т.е. алан, и в вооружении, и военной тактике, описанной Тацитом. Однако общая склонность говорить о сарматах, кроме некоторых сомнений о греческом и латинском вариантах изданий Иосифа Флавия, исходит из трактовки исторической ситуации того времени, позволяющей пользоваться традиционной картой размещения сарматских племен и отрицать присутствие алан. Археологическими подтверждениями похода предлагают считать находки серебряной фиалы из 1-го и стеклянного скифоса из 2-го Зубовских курганов, серебряного сосуда из погр.1-го у с. Косика, тамги схемы Аспурга, высеченной на скале Уйташа (10.101; 22.113; 3.161; 7.76).

Творчество Валерия Флакка приходится на вторую половину I в. н. э. В его сообщении отмечаются скоординированные действия Иберии и языгов. Причем, объединение кочевников с неврами говорит об их северопричерноморском происхождении. Имя другого соратника Олтак сопоставимо с именем правителя дандариев (Плутарх. «Лукулл».16) или скифов Олкаба (Аппиан. «Митридатовы войны».79). В то же время Аппиан («Митридатовы войны». 117) на-

зывает его именем царя колхов, видимо стремясь выдержать логику своего повествования. Но основными союзниками Митридата Евпатора и его преемников были скифские и сарматские племена, среди которых фигурируют аорсы, сираки и языги. Причем дандарии, которых считают меотами Прикубанья, носят иранское имя, каковым является и имя Олтак, проявляющее историческую связь с Боспором (1.170). Диодор Сицилийский («Историческая библиотека». IV,43,3) приписывает имя Дандар скифскому царю. Имя Латриса, к сожалению, ничего нам не говорит.

В целом языги Валерия Флакка оказываются связанными с Северо-Восточным Причерноморьем, хотя источник знает о языгах и близ Дуная (6.51). Возле Меотиды их вместе с роксоланами помещает Птолемей (VIII,5,7). Сообщения Страбона, Овидия, Тацита, Плиния и Птолемея свидетельствуют о передвижении с начала I в. н. э. языгов далеко на запад, где они также тесно взаимодействовали с роксоланами. Следовательно, мы имеем дело с остававшимися у Меотиды языгами. Интересно, что позднее арабские ученые, основываясь на данных Птолемея, помещали в свое время возле Таврики только языгов (12.48,96,121,124,137-138), тем самым фиксируя не до конца объяснимую привязанность племени к региону. Полагают, что и их племенное название трудно отделить от имени асов-алан (4.136-144; 6.50-52; 26.8-10). Замечено, что Валерий Флакк приписывает своим языгам обряд убийства стариков, который Аммиан Марцеллин (XXXI,2,22) относит к аланам. Такой обряд, начиная с Геродота, древние источники отмечают у «азиатских скифов», в том числе у эседонов, где и лежат истоки этногенеза алан. С археологической точки зрения памятники языгов в Северном Причерноморье трудно отделить от сарматских, тогда как в нашем случае в первую очередь привлекают внимание материалы «Зубовско-Воздвиженской группы».

Эседоны, упомянутые Валерием Флакком, чье название некоторые ученые сопоставляли с названием асов, впервые в греческих источниках фиксируются далеко в азиатском регионе. Обращалось внимание на исчезновение упоминаний о них там в период появления в Восточной Европе сарматов, для которых было характерно достаточно высокое положение в обществе женщин, ранее отмечавшееся именно для исседонов. Возможно, с их западной миграцией связано упоминание Плинием Старшим (IV,88, VI,20) эседонов от Бука (Сиваш) выше Меотиды и в горах до колхов.

В большинстве греческих вариантов сообщения Иосифа Флавия, писавшего в 93/94 г. н. э., указываются аланы, а в латинском IV в. н. э. – скифы, что, видимо, не меняет ситуации, поскольку для древнего автора «...племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера» («О войне иудейской». VII,7,4). Как мы видим, историк указывает и на меотийскую локализацию алан. Исходя из прямого понимания текста, критика которого сама по себе не несет позитивного момента, нет оснований не соглашаться с исследователями, считающими участниками событий алан (25.121-122; 28.15-17; 24.221, 5.71 и др.). С другой стороны, Иосиф Флавий («Иудейские древности» I,6,122,126, «О войне иудейской». VII,4,3) называет скифов потомками Магога, что явно отделяет их от сарматов, но потом признает сарматов частью скифов. Однако в последнем случае, судя по контексту, речь идет о племенах Придунавья.

Тацит пользуется расплывчатым термином «сарматы», под которым он подразумевал кочевников вообще. Давно обращено внимание, что он полностью игнорирует алан, хотя они были уже хорошо известны к моменту написания работы (110-е гг. н. э.). Однако попытаемся еще раз проанализировать его данные. В них большинство сообщений о сарматах, среди которых выделяются языги и роксаланы, связывается с Северо-Западным Причерноморьем и более западными районами (Тацит. «Анналы». II, 29-30, «Истории». I,2,79, III,5,24, IV,4,54, «О происхождении германцев и местоположении германцев». 1,17,43,46). Лишь однажды, повествуя о войне за боспорский престол 49 г. н. э., Тацит («Анналы». XII, 15-16) говорит о сираках и аорсах, действия которых обычно помещают в районе Прикубанья.

Единожды Тацит («Анналы». II, 60) сообщает о прошлом завоевании Скифии фараоном Рамзесом (Рамзес II, живший в 1307–1240 гг. до н. э.), что является искаженным отголоском

давнего похода скифов на Египет, тогда как древние авторы (Геродот. II, 103 и т.д.) приписывали фараону завоевания в Азии, а Юстин (Помпей Трог. I, 1, 4) даже «доводил» его до Понта. Поэтому данная информация не может браться в расчет. Реальные же скифы, состоявшие в кровном родстве с парфянскими Аршакидами, и Скифия для Тацита («Анналы». VI,36,41,44) располагаются к востоку от Каспия, что не противоречит истории «азиатских скифов». На таком фоне особенно значимо упоминание скифов и в Восточной Европе.

Борьба за престол между Аршакидами Вононом и Артабаном III закончилась ссылкой первого в Киликию, откуда он в 16 г. н. э. пытался бежать через армян, албанов и гениохов к своему родственнику, скифскому царю (Тацит. «Анналы». II, 68). Одни исследователи считают, что неудачник стремился попасть к прикаспийским маскутам (9. 48-58), а другие говорят об аланах или Боспоре (19. 116-117). Предпочтительнее выглядит последнее решение, поскольку оно основано на традиционных для того времени представлениях о расположении варварских народов, а не на предполагаемой научной реконструкции. Вонон мог искать убежище у аланских царей Боспора или у аланских правителей, правивших к востоку от царства. В археологическом плане в первую очередь вновь привлекают внимание памятники «Зубовско-Воздвиженской группы». Наблюдения Тацита не противоречат и представлениям о связи алан с «азиатскими скифами». С другой стороны, оказывается, что автор знал о пребывании возле сираков и аорсов скифов (=алан).

Второй раз Тацит («Анналы».II,65) сообщает о предложении фракийского царя Рескупорида (12-19 гг. н. э.) императору Тиберию, сделанном практически в то же время, воевать с бастарнами и скифами. Речь здесь не может идти о поздних скифах Добруджи или Крыма, которые не представляли уже опасности для соседей, тогда как набеги сарматов за Дунай начинаются с 16 г. до н.э. Более вероятно, что подразумевались языги и роксаланы, обитавшие между бастарнами (Страбон. II, 2, 4). Для роксалан, как и для языгов, о чем мы говорили выше, также предполагается не сарматское, а аланское происхождение (14. 126-127; 27. 217-218), что имеет под собой определенные основания. Но в целом этот вопрос остается дискуссионным (17). Учитывая понимание Тацитом этнонима «скифы», следует обратить внимание на распространение фалар, выполненных с использованием характерных восточных элементов (21.145-146, 196).

Итак, Тацит знает недалеко к востоку от Меотиды аорсов, сираков и скифов, среди которых и следует искать участников похода. Ими не могли быть племена, обитавшие непосредственно к северу от Иберии и Албании, т. к. обращение в той ситуации к родственникам населения царств (Страбон. XI, III, 3, IV, 5), которые еще и препятствовали прямой связи, было бессмысленным. Решать же племенную принадлежность сарматских союзников за счет их предполагаемого контроля за территориями возле кавказских проходов достаточно сложно. Археологически сделать это мы еще не в состоянии.

Провод торговых караванов через Дербент верхними аорсами еще не означает, что они непосредственно жили возле него или имели здесь какие-то приоритеты. Попытка опереться на сведения Страбона (XI, II, 1) для постулирования сиракского контроля возле Дарьяла не имеет основания (14. 128). Использование перекрестного сравнения сведений Тацита о войне 49 г. н. э. в части предполагаемого укрывательства Митридата у сираков или аорсов со сведениями Плиния и Юлия Солина о савроматах мало надежны. Предположения В.Б. Виноградова (2. 147-150) в пользу сираков, которые уже сдались до пленения Митридата, находят себе вполне аргументированные возражения (5. 92; 11.13). Последние в свою очередь также достаточно шатки при доказательстве аорской версии, поскольку савроматы, укрывавшие находившегося на свободе Митридата, не обязательно идентичны и аорсам Эвнона, которые, кстати, могли жить западнее Меотиды (20, с. 147). Вообще, термин «савроматы» в применении к предкавказским землям от Черного до Каспийского морей очень условен, что демонстрирует тот же Страбон (XI,II,31), размещающий на всем этом пространстве савроматов, причем отличных от меотийских савроматов. Исходя из вышеизложенного, трудно принять гипотезу Ю.Г. Виноградова (3.159-161), которая сомнительна и в вопросе о событиях после похода (18,с.166). К

критике положений В.Б.Виноградова добавим, что к Дербенту не могли направляться аорсы, т.е. верхние аорсы, занимавшиеся торговлей. Тацит вообще ни разу не упоминает о них, а его сарматы выступают из одного района, который привязывается к Восточному Приазовью. Вряд ли верхние аорсы решились бы собственным оружием не сохранить, а разрушить свои торговые интересы.

Излюбленное обращение исследователей к сведениям о войне 49 г. н. э. для нас интересно в другом плане. Здесь Тацит также рассказывает о сарматах, сираках и аорсах, поддержавших разных претендентов на престол. Однако в его сообщении нет и намека на моралистическое осуждение, которое открыто звучит при описании событий 35 г. н. э. Вероятно, тем самым мы можем подтвердить, что база похода не распалась на племена или племенные объединения, а действительно была единой. Но трудно представить, что для единовременной акции родственная группировка решилась бы на смертельную схватку практически внутри себя. Видимо, речь идет об иной формативной единице.

Как мы выяснили, парфянский правитель Артабан III не мог обратиться к предкавказским сарматам и верхним аорсам. В то же время он не использует родственные закаспийские племена, которые всегда служили опорой Аршакидов и впоследствии вновь оказали действенную помощь. Видимо, Парфия стремилась привлечь союзные силы именно через Дербентский проход, что наносило удар по Албании, выводя сразу из противостояния одного из противников. Такой стратегический план вполне разумен. Но кто мог осуществить его с учетом приведенных наблюдений? Остается полагать, что Артабан III поступил так, как раньше побежденный им Вонон, обратившись к родственнику, скифскому царю, за которым мог скрываться только боспорский правитель Аспург, утвердивший на престоле аланскую династию. Показательно, что европейские аланы и позднее поддерживали тесные связи с Парфией. Так, по сообщению Плиния Младшего («Письма». X, 74), Децебал Дакийский пытался в начале II в. н. э. организовать посольство в Парфию через Северное Причерноморье, где посредником выступал некий Сусаг. Не без оснований предполагается, что Сусаг был правителем придонских алан и родственником известной аланки Сатеник (23.86). Заметим, что его имя практически тождественно имени отца эпического Сослана Сосаг-алдара. Однако участие Сусага в событиях в Мезии делает вероятным его проживание в Северо-Западном Причерноморье.

Именно о таком развитии событий может свидетельствовать находка изображения тамги Аспурга на скалах Уйташа в районе Дербентского прохода, что связывали с периферией аорского союза (13.97-98) или торговой деятельностью аспургинян или сатархеев (8.43-44). От «аорского союза» здесь могли отметиться только верхние аорсы, для которых тамга правителя Боспора не представляла ценности, тем более в столь удаленном месте. Нет у нас и никаких данных, что искусные в воинском деле аспургиане или сатархеи превратились в караванных торговцев или верхние аорсы допустили их хотя бы охранять торговые маршруты. Пожалуй, только поход 35 г. н. э. может объяснить появление тамги Аспурга, умершего в 38 г. н. э.

Казалось бы, план Артабана III был оправдан всеми обстоятельствами. Но мы знаем, что аланской династии, чьи интересы теперь сосредоточивались на европейской политике, с большим трудом удалось добиться престола и признания могущественного Рима. Именно Аспург окончательно закрепил за своим родом царство, побывав в Риме и даже был принят в семью императора Тиберия. Его потомки с гордостью потом носили родовое имя Тибериев Юлиев. Поэтому вряд ли Аспург рискнул с оружием в руках выступить против планов покровителя, но именно он мог или был вынужден реализовать их в своем регионе.

Тацит («Анналы». VI, 31) сообщает, что перед кампанией у Тиберия побывало тайное посольство знатных парфян, желавших сменить Артабана III на Фраата. Возможно, они и послужили «пятой колонной» Рима, убедив своего правителя осуществить обреченный на провал план. Подсказка разоблаченной царем знати, которая, кстати, не была наказана, могла казаться еще более искренней. Аспург же способствовал лишь замене одного своего родственника другим, лояльным, как он сам, Риму, что, кроме всего прочего, было выгодно и ему. Если принять предложенную гипотезу, то становится ясен морализирующий тон Тацита. Выполняя план Ти-

берия, Аспург получает вознаграждения от Рима и Парфии и высылает отряды в две стороны, причем посылка одного из них через Дербентский проход была изначально бессмысленной и имитационной, т.к. Боспор и соседние племена должны были хорошо знать от верхних аорсов, караваны которых доходили до того же Танаиса, почему в это летнее время прерывалась торговля. Но тем самым Аспург выполнял свое обещание (клятву) Артабану III и оттягивал его активные действия по плану и в пользу Тиберия.

Аспург мог использовать прежде всего воинов, оставивших после себя погребения «Зубовско-Воздвиженской группы», куда ведут нас и отмечаемые в связи с походом 35 г. н. э. находки. Вполне убедительным представляется решение об аланской атрибуции археологического памятника (16). Из среды данного населения могли происходить и аспургиане, служившие надежной государственной опорой боспорских царей. В их число могли включаться и представители местных сарматских племен, с помощью которых в 23/24 гг. н. э. Аспург завоевал позднескифское царство в Крыму, что подтверждается археологически. Возможно, один из знатных представителей этих племен Хедарз был посажен на скифский престол. Интересно, что сообщение Иосифа Флавия дает основание говорить о появлении на Дону алан, которое логически должно было произойти между 23 (окончание дополнений сведений Страбона) и 35 гг. н. э. Возможно, поэтому в 49 г. н. э. римляне и Котис I обратились к «малым аорсам».

Примечательно, что погребенные воины «Зубовско-Воздвиженской группы» были представителями аристократии, из которой формировались подразделения катафрактариев. Именно такое подразделение столкнулось с армией парфян в Армении, а его тактика и вооружение, как считает С.М. Перевалов (15.31-33), были тогда традиционными для родственных алан, роксалан и языгов и отличались от тактики сираков и аорсов в 49 г. н. э., что подтверждает участие в походе алан. Заметим, что для того времени отмечается практически полное отсутствие находок наконечников стрел в сарматских погребениях Таврии, связываемых с роксаланами и языгами, что резко отличает их от положения на сопредельных территориях (17.81). Для объяснения появления серебряного сосуда в богатом погребении у с. Косика, где отмечается и тамга Аспурга, вряд ли стоит прибегать к сложным построениям (3.161;18.167). Здесь мог быть погребен участник похода и союзник Аспурга, который впоследствии переселился на восток. Главное, что материалы самого погребения дают право рассматривать его как аланское.

Таким образом, следует признать справедливым сообщение Иосифа Флавия об участии в походе алан. Не солгал нам и Тацит, но он, как опытный оратор и политический деятель, не сказал полную правду. При всех антипатиях к Тиберию Тацит признает успех и пользу предпринятых им действий, способствовавших усилению римского влияния малой кровью. Тиберий даже как бы идет навстречу чаяниям парфянской знати, т.е. вслед за событиями. Однако Иосиф Флавий более откровенно свидетельствует о двурушничестве Тиберия, который торопил Иберию и Албанию к началу войны, а через Вителлия вел переговоры о мире с Артабаном III. Дион Кассий говорит о волевом решении Рима. Поэтому вполне справедлив укор о поведении «сарматов», который следовало разделить Риму.

У исследователей же существует психологический барьер для признания участников событий аланами, поскольку они ориентируются на четкое появление этнонима «алан» в письменных источниках с середины I в. н. э. Но его появление не означает первого появления самих алан, которых не следует рассматривать как стабильную во времени и пространстве единицу. Следует учитывать и вероятность своеобразной истории формирования данного названия. Материалы же археологии, в том числе по «Зубовско-Воздвиженской группе», фиксируют яркие восточные элементы, во многом определяющие источник появления алан. Он же послужит мощным началом для формирования среднесарматской культуры, носители которой, наряду с иными восточными мигрантами (массагеты Лукана («О гражданской войне в десяти книгах». II, 45-55, III, 263-283), и аланы Сенеки («Вестник». 629) также назовутся в нарративных источниках аланами именно в сер. I в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М. Л., 1949. Т. I.
2. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // ТЧИННИИ. 1963. Т. I.
3. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I. н. э. // ВДИ. 1992. №2.
4. Гаглоев Ю.С. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья // ИЮОНИИ, 1962. Вып. XI.
5. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
6. Гаглойти Ю.С. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе // Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ, 1995.
7. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Махачкала, 1997.
8. Давудов О.М. Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.
9. Еремян С.Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ. 1967. №4.
10. Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ, 1995. Вып. 32.
11. Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.
12. Калинина Т.М. Сведения ранних ученых арабского халифата о народах территории СССР. М., 1988.
13. Марковин В.И. Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан) // КСИА, 1970. Вып. 124.
14. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э.-I в. н.э. // АСГЭ, 1974. Вып. 16.
15. Первалов С.М. Аланы Иосифа Флавия, сарматы Тацита в событиях 35 г. н. э. на Кавказе: к проблеме этнографических критериев для варварских народов у античных писателей // Международная научная конференция по осетиноведению. Владикавказ, 1994. ТД.
16. Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления алан в Юго-Восточной Европе (Тезисы) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.
17. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
18. Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. №1.
19. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л., 1959.
20. Туаллагов А.А. К вопросу о происхождении ранних алан // ПАВ, 1997. Вып. 10.
21. Шукин М.Б. На рубеже эр. Спб, 1994.
22. Шукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Материалы III археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992. Ч. I.
23. Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I - середине IV вв. н. э. // ПАВ, 1993. Вып. 6.
24. Boswort A.B. Arrian and the Alani // Harvard Studies in Classical Philology. 1977. p. 81.
25. Gudshmid V.V. Geschichte Irans und seiner Nachbarlander von Alexander dem Grjssen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888.
26. Kalmon R. A jaszok eredete es uyelve. Kecskemet, 1977.
27. Teggard F.J. Rome and China. A Study of Correlations in Historical Events. Berkeley, 1939.
28. Toubler R. Zur Geschichte der Alanen // Klio. Beitrage zur alte Geschichte. Leipzig, 1909. Bd. IX.